

Глава 5. Дождь.

Выступление Хардина не запомнилось почти никому из друзей — и не потому, что он плохо пел: учитывая, в каком состоянии находился певец, исполнение было блестящим. Все мысли каждого из мужчин были заняты Флоренс, и для сцены не оставалось ни внимания, ни сил. Они организовали возле девушки дежурство, хотя не имели ни малейшего представления о том, что надо делать — а то, что хоть что-то надо делать, было бы понятно любому дереву, окаймлявшему поле Ясгура. У Чарли мелькнула было мысль смотаться за помощью в палатку к Уэви Грэви, лидеру коммуны «Hog farm», но как только он осмотрел поле, где люди буквально друг на друге стояли, сидели и лежали в самых разнообразных позах, эта мысль тут же исчезла из его головы также, как и появилась.

Сама же Флоренс постепенно впадала в странное забытие, находясь между двух реальностей. Острая боль от схваток превращалась в тупо-ноющую и приобретала красноватый оттенок, вырываясь наружу из её естества маленькими гейзерами в такт музыке, доносящейся до неё словно сквозь пелену ваты. В её собственном представлении она лежала на границе воды и песка в полной жаркой темноте, широко раскрывая рот от нехватки воздуха; странный огонь жёг её изнутри, а невидимые волны с тихим шелестом проникали в неё. Каждая новая волна поднималась по организму всё выше и выше, и девушка инстинктивно боялась, что она вот-вот погребёт её под собой. Но каждый раз волна не доходила каких-то нескольких дюймов до макушки и уходила назад странными толчками. Иногда же в окружавшей её темноте начинали кружиться цвета, и Флоренс шептала: «Радуга... радуга...»

... Стюарт осторожно высвободил руку из цепких пальцев девушки и размял кисть.

— Ну как она? — настиг его шёпот Льюиса.

— У неё «приход», — отозвался парень. — Пусть уж лучше так...

— «Лучше так...» — проворчал Льюис. — Кому — лучше?

— Да заткнись ты, умник, — шикнула на него Молли. — И вправду раньше надо было думать...

Неожиданно из горла Флоренс донеслись булькающие звуки, словно девушка чем-то захлёбывалась. Стюарт испуганно приподнял ей голову, и в тот же миг на него попала слизь — девушку вырвало. Он нащупал бутылку с водой, чтобы обмыть ей лицо и заодно привести в порядок себя, как вдруг почувствовал, как что-то капнуло сверху на руку. Ещё раз... ещё пару раз... Ничего не понимая, Стюарт вытянул ладонь, сразу покрывшуюся сеткой мелких капель.

— Это что — дождь? — словно издали донёсся до него голос Льюиса.

— Твою ж мать... — выругался Чарли. — Этого ещё не хватало... — Он приподнялся, снял с себя куртку и протянул её Стюарту: — Возьми, это для Фло. Может, придумаешь что.

Парень задумчиво повертел куртку, затем внимательно посмотрел на девушку. Она лежала в полубессознательном состоянии и тяжело, с надрывом и хрипом дышала — каждый её вздох словно выдирался из-под груди валунов, даваясь Флоренс с невероятным трудом. Время от времени сквозь зубы прорывался стон, исходивший из самой её сути. Не придумав ничего лучшего, Стюарт отёр ей лицо и лоб, смочил губы и прикрыл курткой голову; затем на минуту отвлёкся, привлечённый необычными звуками, доносившимися со стороны сцены.

Он и не заметил, как сменился исполнитель. В резко-ярком светлом пятне посреди летнего

дождливого вечера можно было разглядеть невысокого человека, сидящего прямо на сцене и с мастерством факира извлекавшего из ситара стеклянные восточные задумчивые звуки.

Стюарт догадался, что это — Рави Шанкар, и стал слушать с удвоенным вниманием.

Постепенно мир вокруг стал расплываться, и парень оказался в непонятно-тёплой, слегка влажной пустоте, в которой со всех сторон звучала странная медитативная музыка. Для него полностью пропало ощущение времени. Он даже забыл о том, что рядом с ним мучается схватками девушка — он полностью растворился в ситаре, сам превращаясь в эмбриона, которому ещё только предстояло родиться на белый свет. И на мгновение он как бы увидел всё со стороны: летний вечер, многотысячная молчаливая толпа, сидящая под накрапывающим дождём, в котором серебристыми нитями звучали загадочные в своей высокой мудрости звуки... Если когда-либо в жизни, а не в фантазиях Дали, и существовал сюрреализм, то он был представлен во всей своей красе именно в эту поистине величественную минуту, наполненную метафорами и аллегориями.

Дождь усиливался, потом опять ослабевал. И, словно в унисон с ним, инструменталка Шанкара то ускорялась, взбудораживая фантазию и нервы, то вновь замедлялась, отпуская человека на волю потока Вечности. Казалось, вся Вселенная готовилась родиться заново — в Новом Свете, под восточную музыку, звучащую в дожде. Всё было символично — как в храме, во время священнодействия. А наибольшим воплощением новой жизни, рождавшейся на глазах у всех, была хрупкая симпатичная девушка, которая должна была в старых, как сам мир, муках вот-вот подарить ему новую жизнь. И всё её благословляло на этот подвиг — и дождь, и музыка... Дождь очищал, а музыка успокаивала неизбежную боль. Стюарту вдруг показалось, что это — последний акт всемирной боли, что после сегодняшнего дня абсолютно всё будет по-другому — и жизнь, и любовь, и песни, и даже роды. И изменить всё это должна была новая Ева — новая жизнь. *V ita nova.*

«Нет, всё равно что-то изменится, — сказал сам себе парень. — Не может всё остаться по-старому после такого. Не должно всё остаться по-старому. Оно просто права не имеет — быть по-старому...»

А дождь усилился в очередной раз. И вдруг музыка, а вместе с ней и все нити волшебства неожиданно оборвались. Парень посмотрел на сцену и увидел, как Рави Шанкар встал и извинился перед всеми за то, что вынужден прервать своё выступление — «Понимаете, я боюсь намочить ситар. Дождь слишком сильный, и если мой ситар очень намочит, я не смогу потом на нём играть...». Слушатели разразились понимающими благодарными аплодисментами, индеец поклонился, соединив руки перед лбом, и ушёл со сцены.

В это время Флоренс схватила руку Стюарта и хрипло, утробно закричала. Вторя ей, где-то над Уоллквиллем глухо пророкотало, а через пару секунд в той же стороне резко, словно фотовспышка, небо прочеркнула молния...

* * *

22.20 15 августа.

— Мел, ты как? В порядке? Как добралась? Ты можешь петь?

Невысокая хрупкая темноволосая девушка, почти ребёнок, с выразительным восточнославянским лицом, на котором выделяются смешной «нос картошкой» и огромные чёрные глазища, вобравшие в себя чуть ли не весь мир, пытается что-то сказать, но вместо этого заходится сухим надрывным кашлем. В перерывах между приступами слышно, как стучат зубы.

— Майкл, ну какое «петь»? — вмешивается в разговор сидящая неподалёку молодая женщина с одухотворённо-волевым, словно пассионарным, чуть удлинённым лицом. — Ты только глянь на неё — она вообще сейчас может петь?

— Джоан, у меня другого выхода нет, — как бы оправдывается Майкл Лэнг. — Англичане из «Incredible» только что отказались выступать. Мол, не та погода для них, и вообще они не хотят испортить джимбри и сорвать голоса. — Лэнг пренебрежительно фыркает. — А мы и так выбились из графика. У нас половина приглашённых не выступит, если я сейчас прерву концерт, понимаешь? Пусть хоть фолк-сингеры выйдут, что ли...

— Тебе надо, чтобы кто-то пел? Давай я пойду.

— Джоан, ты пойдёшь последней. Ты только что вернулась с «малой сцены». Передохни немного. Тем более в твоём положении... Мел, как ты? Ты замёрзла? Что с тобой?

Девушка пытается что-то сказать, но вместо этого только мотает головой и снова заходится в очередном приступе кашля. Джоан энергично показывает рукой в сторону поля:

— Посмотри туда, Майкл. Ты видишь, сколько там народа? И ты думаешь, что все мы тут такие крутые, что у нас коленки не трясутся перед ними? Эта девочка на своём концерте хоть раз видела столько людей? Она просто разволновалась.

— Эй, кто-нибудь! — кричит Лэнг за сцену. — Чай успокоительный сделайте девчонке, а! — Только без этих ваших «кислотных» штук, — добавляет Джоан. — Обычный нормальный успокоительный чай, с мятой. Ей просто нужно успокоиться, а не расслабиться. Арло, будь другом, проследи, ладно?

Девушка продолжает кашлять, но уже меньше; несколько раз поднимает глаза на Майкла, снова пытается что-то сказать, но вместо этого закрывает рот рукавом и снова кашляет.

Джоан встаёт, не спеша подходит к ней и обнимает:

— Ну всё, всё, Мелани. Успокойся... всё хорошо будет.

Она выше ростом, и сейчас кажется, что рядом стоят две сестры.

Им приносят чай, Джоан протягивает его девушке-ребёнку. Та берёт его, греет ладошки о стаканчик и пьёт мелкими глотками. Руки дрожат. Постепенно озноб проходит, в бледном перепуганном славянском личике появляется осмысленное выражение, и наконец она с большими паузами произносит:

— Я... я боюсь... Я просто... боюсь... Я... я не думала, что их там... Я... я не знала...

— Скотина ты, Майкл, — почти беззлобно бросает Джоан. — Ты бы мог и отменить её выступление.

— Джоан, она за это выступление неплохо получит, — возражает Лэнг. — В конце концов, за тыщу долларов можно попеть и под дождём. Можно ведь, как ты думаешь?... Тем более, что она — певица. И она должна петь в любых обстоятельствах. Ты почему-то готова выйти на сцену хоть сейчас. Почему она не может этого сделать? Да и дождь вроде заканчивается...

— Он... он прав, — неожиданно говорит девушка. — Не в деньгах дело. Я действительно... должна выйти и спеть. Я... — снова кашель — я приехала... ради этого. Я просто... просто испугалась. Я вправду... у меня вправду никогда столько... не было. И мама... если я ей скажу, сколько было людей... она ж мне просто не поверит. — Окружающим кажется, что в её голосе сквозит смущённая улыбка.

— Мел, ты как?

Девушка пару раз глубоко вдыхает, затем произносит:

— Я... я готова. Всё...

Майкл оборачивается, смотрит на сцену, затем говорит:

— Рави ушёл. Иди. Удачи, Мел. — Легонько касается её плеча: — Да ты не волнуйся, крошка. Всё хорошо будет, правда. Ты круто выступишь, поверь мне.

Девушка робко улыбается в ответ на неуклюжее одобрение, надевает всё ещё дрожащими руками гитару и медленно выходит к слушателям. Оба — Майкл и Джоан — смотрят ей вслед. Через некоторое время начинают звучать первые аккорды песни «Beautiful people».

* * *

Девушку, которая настолько разволновалась перед своим выступлением, звали Мелани Энни Сафка. Но уже тогда её звали по одному первому имени — и все знали, о ком идёт речь. Это была та самая Мелани, которую очень скоро назовут «легендой американского фолка», и этот титул закрепится именно за ней, а не за кем-либо ещё из плеяды выдающихся исполнителей фолк-музыки 60-х годов. А женщиной, которая поила её чаем с мятой, была... Джоан Баэз.

* * *

С неожиданным проворством Молли перебралась через сидящих прежде, чем кто-то успел опомниться, и оказалась возле Флоренс, скинув с её головы куртку. На девушку страшно было смотреть.

— Щупальца... щупальца... Кто-то лезет! Из меня лезет! Ааааа... Больноооо... — выла она.

— Фло, успокойся, — тихо начала говорить Молли, поглаживая её по голове и метнув красноречивый взгляд на Стюарта. — Это ребёнок. Не бойся, милая.

— Кто? — ничего не понимала Флоренс. — Откуда? Ребёнок?... Чей?

— Твой, Фло. Успокойся. Всё с тобой в порядке. Никаких чудовищ нет. Просто тужься. — Затем девушка обратилась к Льюису: — Лью, я не смогу наклониться. Когда появится ребёнок, поддержи ему головку, хорошо?

Льюис неуверенно кивнул и примостился сбоку, отодвинув Стюарта и встав коленями на мокрую землю.

Дождь всё усиливался и уже не охлаждал, не ласкал и не навевал никаких возвышенно-мистических аллюзий. Все быстро промокли; ноги скользили по раскисающей на глазах земле; волосы слиплись, лезли в глаза, к ним противно было притронуться. Со сцены над миром взлетал дрожащий, чуть надтреснутый голос Мелани, и всем вокруг казалось, что он соревнуется с непогодой.в себя приводить. Фло нужно переложить на сухое. Она простыть может...

— Господи, да обмойте же её кто-нибудь! Она вся в крови!

Кто-то пихнул его в плечо:

— Стюарт! Стю!..

Парень очнулся и увидел рядом озабоченную Ким:

— Дай мне ребёнка. Сделай что-нибудь с Лью — надо Фло помочь.

Всё ещё не вникая толком в происходящее, Стюарт отдал ребёнка, затем посмотрел на кулем валявшегося Льюиса, затем присел и энергично затряс его за плечо. То ли его движения помогли, то ли погода, но Льюис пришёл в себя, уселся прямо на раскисшей земле, ошалело осмотрелся и вдруг воскликнул:

— Смотрите!

Стюарт невольно посмотрел в ту сторону, куда он указывал, и замер.

В рассеянном свете прожекторов с осветительных мачт, высящихся по обеим сторонам сцены, дождь казался серебристой дрожащей бахромой, струящейся по невидимой одежде.

Посреди одного такого прожекторного пятна в явном замешательстве стояла на сцене хрупкая Мелани, а от полосы дубов, вдоль которых размещалось несколько палаток, к ней тянулись огоньки, рассекая эту серебристую мокрую бахрому. Они вспыхивали на глазах, расплываясь по всему полю загадочными светлячками, гипнотизировали, притягивали к себе, и от одного их вида забывалось о дожде, который, казалось, уже заполнил всё тело изнутри, о налипшей на подошвы грязи...

Кто-то снова пихнул его в плечо:

— Чувак, держи!

Стюарт очнулся от созерцания и увидел в протянутой со стороны руке маленькую баночку с горящей свечкой. Парень машинально взял её.

— Ну так что у вас тут было-то? — спросил тот же голос.

Стюарт собрался было ответить, но тут его внимание привлёк шум, катившийся от сцены. Одновременно в такт ему сотни свечек стали раскачиваться. Шум разрастался, и вскоре Стюарт смог разобрать: «Мел, пой!... Мел, не уходи, пожалуйста!...»

* * *

А случилось следующее.

Спев две или три песни под непрекращающимся дождём, Мелани промокла настолько, что уже не могла находиться на сцене, и собралась уходить, отчаявшись в надежде, что погода наладится. Слушатели из передних рядов пытались её удержать, но, видя, что девушка настроена решительно, пошли на крайние меры. Откуда-то появились первые свечи, которые стали зажигать прямо на глазах у опешившей певицы; затем почин подхватили возле палаток, и вскоре часть поля была охвачена раскачивающимися в её честь огоньками. Это невиданное доселе зрелище и сопровождала просьба» Не уходи...»

Девушка была потрясена и растеряна настолько, что буквально приросла к месту возле микрофона. Позже те, кто стоял в первом ряду, уверяли, что видели в её глазах слёзы. Однако это продолжалось от силы минуту-две: губы Мелани упрямо сжались, и она, глянув вверх, запела с каким-то вызовом, встреченным бурными радостными криками...

* * *

... в которых совершенно утонул душераздирающий крик Флоренс.

— Ну и «приход» же у чувихи! — сочувственно произнёс невидимый собеседник.

— Это не «приход», — отстранённо заметил Стюарт, глядя в ту сторону, где даже в темноте угадывалось суетливо-паническое шевеление. — Ей просто больно. У неё ребёнок родился...

— Ребёнок? — удивлённо переспросил невидимый. — Серьёзно? Но это ж круто, чуваки! Поздравляю вас! — Крепкая рука фамильярно хлопнула Стюарта по плечу. — Дженни, крошка, ты слышала? У чуваков ребёнок родился!

— Ребёнок? — раздался протяжный высокий девичий голос. — Вааау!... А кто — мальчик, девочка?

— Н-не знаю, — отозвался Стюарт, но его, казалось, и не слышали: девушка продолжала протяжно бормотать: «Грязь — внизу... дождь — сверху... ребёнок — посередине. Музыка... это акушерка. Дух благословляющий и принимающий роды... Мистика... Рождение нового человека... это начало... это прекрасно... « Не дослушав, парень стряхнул с себя оцепенение и бросился к суетящимся возле Флоренс тёмным силуэтам. Девушка билась в истерике, дёргаясь и пытаясь вырваться из рук крепко державших её Чарли. Её ноги то и дело били по мокрому спальному — Флоренс так и не успели переложить. Льюис подсвечивал фонариком,

и в тусклом свете было видно искажённое страхом лицо парня. Молли, сама дрожа, пыталась успокоить подругу, глядя её по рукам.

— Молли... Молли... — дрожа, повторяла девушка, — я умираю? Я распадаюсь на части, да? Это...оно шевелится?... Что это, Молли? Оно шевелится, я вижу это!..

Молли, наклонившись к её уху, что-то шептала.

— Что с ней? — спросил Стюарт, присев рядом с Льюисом. Вместо ответа тот кивнул на бёдра девушки. Юноша присмотрелся и увидел между её раздвинутых ног какой-то кроваво-бледный пузырь. К горлу снова подкатил комок.

— Это «детское место», — произнесла рядом Ким, слегка покачивая ребёнка. — Там, где ребёнок был. Его бы выкинуть куда-нибудь...

— Куда ты его в такой толчее выкинешь? — буркнул Чарли. — Проще уж переложить Фло на другой спальник, а это оставить до утра. А утром я придумаю что-нибудь...

— Может, попросим чуваков как-то потесниться? — робко предложил Льюис. Ким фыркнула, а Чарли, слегка ослабив хватку, полуобернулся и стал о чём-то говорить с соседями сзади.

Как и Ким, Стюарт не ожидал от этой идеи что-то путного, однако, к его удивлению, кто-то где-то подвинулся, кто-то помог Чарли раскрутил спальник, ещё кто-то вместе с ним же осторожно приподнял Флоренс. Стюарт вовремя подхватил ноги, и вскоре им удалось, кряхтя и оступаясь в грязи, переложить её на сухое. Молли в конце концов смогла успокоить девушку, и Флоренс тут же впала в сонное забытие.

Стюарт осторожно выпрямился и почувствовал, как дрожат ноги. Чарли вытирал лицо рукой.

— Выпить бы сейчас, — произнёс он.

Стюарт хотел было предложить вместо выпивки ЛСД, но, вспомнив взгляд Молли, счёл за благоразумное промолчать.

— Ким, как там ребёнок? — спросил меду тем Чарли.

— Молчит, — отозвалась девушка. — Вроде заснул...

— Молока бы ему назавтра где-нибудь взять, — озабоченно проговорил Чарли. — Я сомневаюсь, что Фло после такого стресса завтра придёт в себя... Придётся Уэви напрягать. Ну он чувак хороший, поможет...

— Ким, — неожиданно робко проговорил Льюис, — а кто родился-то?

Все вдруг с интересом и любопытством посмотрели на девушку, словно только сейчас до конца осознав, что же только что произошло на самом деле. Ким улыбнулась и протянула Льюису завернутого в куртку ребёнка:

— Сын у тебя, папаша